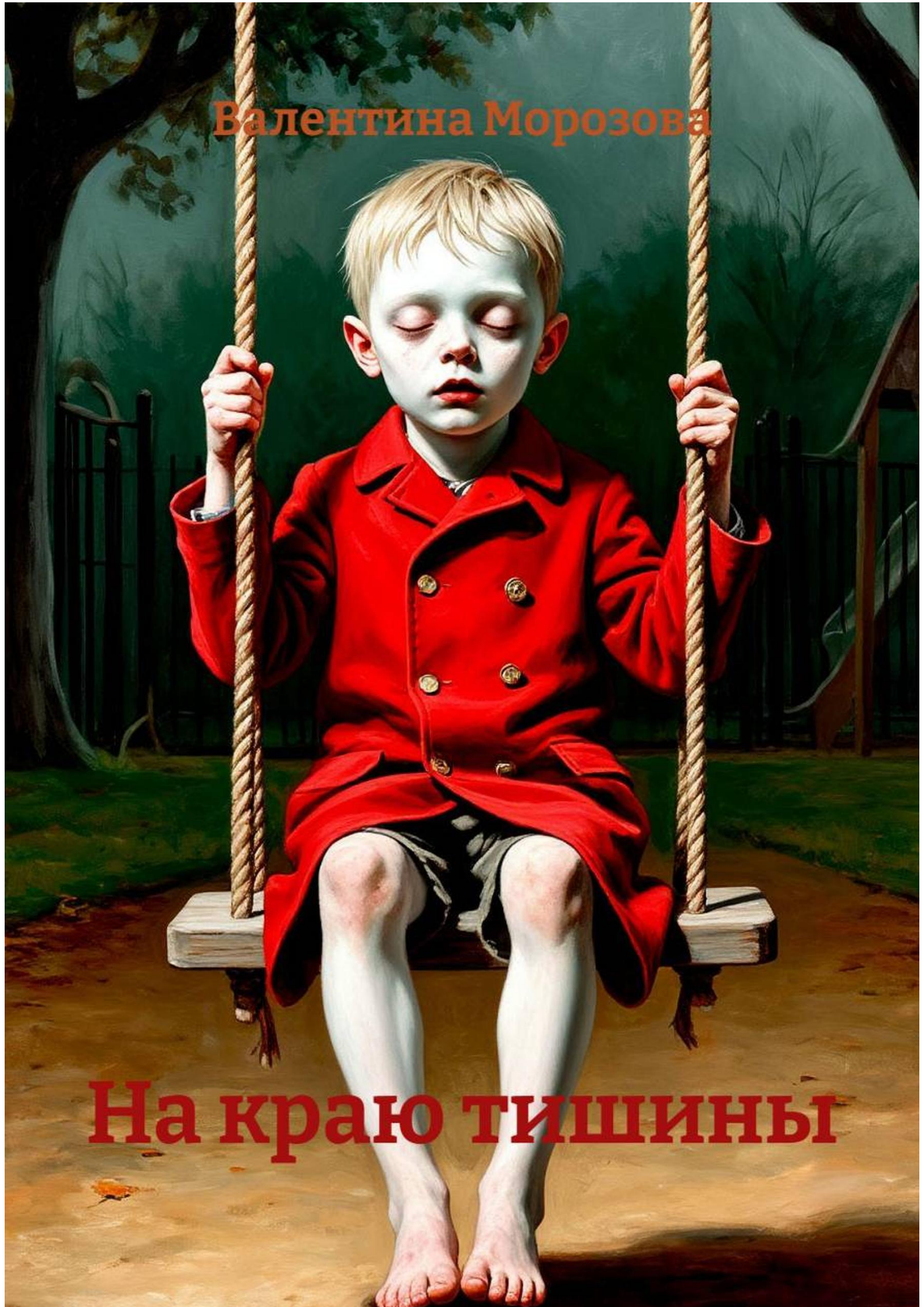

Валентина Морозова

На краю тишины

Валентина Морозова

На краю тишины

«Автор»

2026

Морозова В.

На краю тишины / В. Морозова — «Автор», 2026

Перед вами сборник историй, где страх рождается из деталей: из аккуратного веера светлых волос, из детского смеха, доносящегося из треснувшего экрана. Это не просто хоррор — это исследование того, как тонкая грань между «всё нормально» и «всё сломалось» может истончиться до невидимости. И как легко её пересечь. Осторожно: после этих страниц вы будете прислушиваться к тишине — и она ответит.

© Морозова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Варка	7
Приют	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Валентина Морозова

На краю тишины

Глава

Валентина Морозова

На краю тишины

2026 г.

Перед вами сборник историй, где страх рождается из деталей: из аккуратного веера светлых волос, из детского смеха, доносящегося из треснувшего экрана. Это не просто хоррор — это исследование того, как тонкая грань между «всё нормально» и «всё сломалось» может истончиться до невидимости. И как легко её пересечь.

Осторожно: после этих страниц вы будете прислушиваться к тишине — и она ответит.

Тени старого разъезда

Поезд остановился не на той станции, на которой должен был, Андрей понял это сразу. Он просто посмотрел в запотевшее окно купе, где за стеклом тянулась бесконечная полоса серого леса, прорезанная редкими столбами с покосившимися табличками. Потом проводник прошёл по коридору, бормоча что-то про «временные изменения маршрута», и Андрей почувствовал холодок, который всегда приходит раньше страха — как будто кто-то провёл пальцем по затылку, пока ты не смотришь.

Он вышел на перрон маленькой станции с нелепым названием «Разъезд 17-й». Вокруг было тихо, не просто безлюдно, а будто тишина здесь жила сама по себе, густая, как кисель. Пахло мокрым железом, прелыми листьями и чем-то ещё, чем-то странным, словно горелой бумагой. На стене станционного здания висела облупившаяся табличка: «Закрыто на реконструкцию с 1993 года», но дверь была приоткрыта.

Андрей приехал сюда из-за телефонного звонка, ему позвонил дядя Миша, единственный родственник, которого он смутно помнил, по детским каникулам в этих краях. Голос в трубке звучал как из бочки: глухой, сдавленный, с паузами между словами.

— Приезжай, — сказал дядя. — Тут что-то не так. Я слышу шаги там, где никого нет. Через два дня телефон дяди перестал отвечать.

Внутри здания было холодно и темно. В углу были разбросаны старые газеты, на них сверху лежала чья-то перчатка, Андрей поднял её, и в ту же секунду услышал неясный звук. Это был не скрип не шорох, а звук, который бывает тогда, когда кто-то делает шаг, но не касается пола, как будто нога прошла сквозь половицу. Андрей быстро обернулся на звук. В полумраке коридора мелькнула какая-то тень, не его, она двигалась отдельно, чуть впереди, как будто показывала путь. Андрей пошёл за ней, сам не понимая почему. Тень привела его в комнату с железной кроватью и шкафом, дверцы которого были распахнуты, словно кто-то рылся внутри и вдруг исчез. На стене висела фотография в рамке: дядя Миша, молодой, в железнодорожной форме, и рядом незнакомая женщина с пустым взглядом. Подпись на обороте гласила: «1978. Разъезд 17-й. Последний день».

— Последний день чего? — подумал Андрей, и тут услышал голос.

— Ты не должен был приезжать, — прошептал кто-то у него за спиной.

Он резко обернулся, но в комнате никого не было. Только тень снова скользнула по стене, теперь уже к окну. Андрей подошёл ближе и увидел на подоконнике следы от босых ног, только пальцы были неестественно длинными, изогнутыми, как у куклы. И самое странное, следы были сухими, хотя на улице шёл дождь. В эту минуту он понял, это не просто заброшенная станция, это место, где время сломалось. Здесь повторяется один и тот же день, тот самый «последний день», который был на фото. И люди, которые когда-то жили здесь, не ушли, они остались в петле, между «было» и «никогда больше не будет», и теперь тянули за собой всех, кто решался переступить этот порог.

Андрей выбежал на перрон, но поезда уже не было. Рельсы уходили в туман, и казалось, что они ведут не вперёд, а назад, в прошлое, которое не хотело отпускать. Он услышал шаги за спиной, быстрые, лёгкие, как будто кто-то бежал на цыпочках, обернулся и увидел фигуру в железнодорожной форме. Лицо было размыто, как на старой плёнке, но Андрей узнал в нём дядю Мишу.

— Прости, — сказал призрак, голос его звучал так, словно доносился из-под воды. — Я не смог уйти, а теперь не сможешь и ты.

Андрей попятился, споткнулся о рельс и упал. В тот момент, когда он коснулся земли, мир вокруг дрогнул словно кадр в старом кино сорвался с катушки. Туман рассеялся, и он увидел поезд, но другой, старый, с деревянными вагонами, который медленно выезжал из ниоткуда, на борту виднелась надпись: «1978». Андрей понял, он не гость здесь, он часть того дня, и, если он не найдёт способ разорвать петлю, его имя тоже появится на какой-нибудь облупившейся табличке, как ещё одна строчка в истории этого разъезда, про который все давно забыли.

Он поднялся, вытер руки о куртку и пошёл к поезду, не потому что хотел, а потому что знал: единственный способ выбраться отсюда — это пройти этот день до конца. Встретить тех, кто ждёт на следующей станции, тех, кто уже давно перестал быть людьми. Туман снова сомкнулся за его спиной, скрывая следы, и только одинокий фонарь на перроне мигнул раз, и ещё раз, как будто моргнул, прощаясь.

Варка

Грибной сезон в том году выдался злой. Лес вокруг Володиного обычно кормил: маслята, подосиновики, белые, но в сентябре пошли дожди, а потом ударил мороз, и грибы стали другие. Баба Шура из последнего дома, которая в войну родилась в землянке и ничего не боялась, сказала: «Не ходите в бор, там теперь варка». Слово такое, из старых, которое никто вслух не повторяет. Варка — это когда земля варит, и то, что из неё лезет, тоже варёное, мягкое, горячее, и живое.

Алексей не послушал, он вообще никого не слушал — ни бабу Шуру, ни тещу, ни начальника на нефтепроводе. Ему сорок два, он бурильщик, отработал на севере пятнадцать лет, и ему было плевать на бабкины сказки. Грибы звали, по ночам он слышал, как они растут, влажный хруст, как будто кто-то хрустит пальцами, и это не давало спать.

В четверг он пошёл в три часа ночи, натянул телогрейку, сунул нож в карман, взял ведро. Жена спала. Алексей тихо притворил дверь и пошёл через огороды к лесу. Небо было низкое, серое, луна висела, как бельмо на мёртвом глазу. Дорогу он знал наизусть, пятнадцать лет ходил одним маршрутом: мимо покосившейся водонапорной башни, через высохшее русло ручья, потом в бор к старой вырубке. На вырубке он остановился.

Грибов было много, целые поляны, но не такие, как обычно. Они росли плотными кругами, словно их расставили по линейке, и каждый гриб был огромным, с тёмной шляпкой и белой ножкой, которая подрагивала. Алексей присел, потянулся к ближайшему и резко отдёргнул руку. Гриб был тёплый, не как земля, не как гнилая листва, которая преет снизу, гриб был тёплый, как тело, как человеческая кожа.

Алексей встал. Стояла такая тишина, что он услышал собственное сердцебиение, быстрое, гулкое, будто кто-то колотил кулаком по дну пустого ведра. И тогда он заметил, что грибы в круге шевелятся. Они поворачивали шляпки, как подсолнухи, медленно, слаженно, будто следили за ним. Алексей сделал шаг назад, земля под ногой хлюпнула чем-то густым, тёплым и живым. Он побежал, бежал через бор, мимо вырубки, мимо пней, которые в свете луны казались срезанными костями. Ветки хлестали по лицу, телогрейка рвалась, ведро он бросил ещё на поляне. Он бежал и слышал за спиной звук, который не должен существовать в лесу, это было что-то влажное, большое, перекатывающееся под землёй, будто гигантский червь двигался прямо под дёрном, в такт его шагам, не отставая.

У русла ручья он споткнулся и упал, рот набился землёй, тёплой, прелой, эта земля пахла не грибами, а чем-то другим. Мясом, варёным, горячим, свежим. Алексей поднял голову и увидел, что склон оврага впереди дышит, вздымается и опадает, как грудь спящего. Из трещин в земле шёл пар, и в этом пару что-то двигалось. Алексей этого не видел, он это чувствовал, какие-то формы, которые не имели названия, что-то большое и мягкое, собранное из разных частей, из грибов, из корней, из земли и из чего-то ещё, от чего его вырвало прямо в грязь.

— Беги, дурачина, — сказал голос, Баба Шура, откуда непонятно, может, показалось, может, и правда она что-то почувствовала из своего дома в трех километрах от бора.

— Беги, не оборачивайся. — он побежал.

Когда он вернулся из леса, жена вымыла его, уложила, и дала валерьянки. Земля на телогрейке была отстирана, но запах остался, запах варёного мяса. Жена тоже его чувствовала, но молчала, и только губы поджимала. Утром Алексей в чистой рубашке сидел на крыльце и смотрел на лес. Бор стоял как стоял, зелёный, обычный, с гранями в верхушках сосен. Баба Шура пришла к обеду, присела на лавку, не раздеваясь и посмотрела на Алексея так, будто он вернулся с войны, а он и впрямь вернулся, только с другой.

— Варка приходила, — сказала она. — Осенью уйдёт в землю, вглубь, к водам, к зиме уснёт, но ты ей приглянулся, она запомнила.

— Что это? — спросил Алексей, голос был чужой и хриплый.

— Грибница, — сказала баба Шура. — Только не та, что ты знаешь, эта старая, ещё с потопа. Она тут была до людей, до леса, до всего. Она не злая, она голодная и ей нравится, когда кто-то тёплый рядом.

Алексей молчал. Баба Шура встала, перекрестилась, не на икону, а на окно, за которым стоял бор, и ушла. Ночью он не спал. Лежал, смотрел в потолок и слушал, сначала тишину, потом хруст, влажный, частый, как рост. Потом шаги, тихие, мягкие, босые, которые не касаются пола. Сначала шаги были в коридоре, потом у двери. Дверь медленно приоткрылась, Алексей закрыл глаза.

— Я не голодная сегодня, — прошептал кто-то. Голос был тёплый, мягкий, как грибная шляпка. — Я просто пришла посмотреть.

Запах варёного мяса заполнил комнату. Жена спала рядом. Алексей лежал с закрытыми глазами и чувствовал, как что-то тёплое и мягкое склонилось над ним, как будто огромный гриб накрыл его шляпкой, а потом ушло.

Весной Алексей переехал. Уволился с нефтепровода, продал дом, увёз семью в город. На прощание зашёл к бабе Шуре, она сидела в своём доме, в последнем на улице, и курила «Беломор».

— Передавай привет Северу, — сказала она. — Там тоже есть своё, но то — другое, то — мёрзлое, а наша — тёплая, она тебя отпустила в этот раз.

— А в следующий? — спросил Алексей.

Баба Шура затушила папиросу о край жестяной пепельницы и посмотрела на него. Глаза у неё были светлые, как у ребёнка, и совсем не стариковские.

— В следующий раз, — сказала она, — ты сам придёшь, они так устроены. Даёшь раз тепло и тебя тянет обратно, как в родник, только родник этот вниз.

Город был нормальный. Квартира, лифт, соседи, асфальт. Алексей устроился на работу, жена нашла работу в садике, сын пошёл в школу, всё как у всех. Но по ночам, когда город засыпал и наступала тишина, Алексей слышал хруст. Влажный, частый, как будто что-то росло. Где-то под полом, под бетоном, под трубами, глубоко в земле, где ещё осталось тепло. Он не открывал глаза, не оборачивался. Просто лежал и думал о том, что баба Шура сказала: «Ты сам придёшь.» И улыбался, потому что уже знал, что так и будет.

Приют

Первую жертву в городе нашли утром в субботу, возле мусорных баков на окраине спального района. Мужчина, сорока семи лет, без определённого места жительства. В протоколе написали: «множественные укушенные раны, смерть от кровопотери». Следователь Орлов, который тридцать лет работал в прокуратуре и повидал всякое, посмотрел фотографии и вышел покурить. Руки тряслись. Он курил и думал «На человека так не нападают. Собаки рвут добычу, но не так». Тело было объедено аккуратно, со знанием с чего начать и чем закончить. Сначала мягкие ткани, глаза в самом конце.

В понедельник нашли воруя жертву. Женщина, тридцати двух лет, журналист местной газеты. Возвращалась домой после ночной смены, шла через парк. Тело лежало на детской площадке, в песочнице, и Орлов подумал, что это деталь, которая значит больше, чем кажется. Кто-то положил её туда намеренно, или что-то...

К четвергу было уже четыре жертвы. Город загудел, интернет взорвался, камеры, очевидцы, паника. Власти молчали два дня, потом выпустили обращение: «Отлов безнадзорных животных усилен». Стандартная фраза, за которой ничего не стояло, потому что все, и полиция, и мэрия, и Орлов уже понимали это не безнадзорные животные. Безнадзорные животные в их городе никогда себя так не проявляли.

Орлов стал замечать много собак на улицах. Они были везде — сидели у подъездов, лежали в подворотнях, бродили вдоль дорог. Обычные, на первый взгляд дворняги, метисы, парочка овчарок без ошейников, но глаза, у всех у них были одинаковые глаза - тёмные, блестящие, с каким-то странным выражением, которое Орлов не мог определить, пока не понял, что это терпение, собаки чего-то ждали.

Пятую жертву нашли в среду следующей недели. Подросток четырнадцати лет, шёл домой из школы. Тело обнаружили в соседнем доме от дома где жил Орлов, в подвале. Мальчика звали Денис, и Орлов знал его. Денис здоровался с ним каждый день, поднимаясь в лифте, и однажды помог донести пакеты. Хороший мальчик, жил с матерью на седьмом этаже.

Орлов спустился в подвал, где работали криминалисты. В помещении пахло кровью и хлоркой, жужжали лампы дневного света. Подвал был стандартный — трубы, счётчики, бетон, но в дальнем углу, за кипой старых газет, криминалист Светлана Журавлёва нашла яму, неглубокую, сантиметров сорок, вырытую в земле под бетонным полом, который был взломан снизу, не пробит, а именно выдавлен, будто что-то давило из-под земли. Из ямы шёл запах. Орлов знал этот запах, тёплая сырая плоть, не гниль, не падаль, а именно живая, тёплая плоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.